

Тема 6. Філософська антропологія фемінізму

Главным нервом философской антропологии феминизма явилась проблема обретения женщиной новой идентичности, проблема самоидентификации — осознание назревшей потребности «стать тем, кто ты есть». И как раз в этой центральной «точке» началось идейное брожение внутри феминистской теории, которое привело в 90-х годах XX века к появлению особого направления, получившему название постфеминизм.

Основным отличием данного направления явилась более тесная его связь с постмодернистской философией. Теоретики постфеминизма не только используют постструктуралистскую методологию, но непосредственно опираются на теоретические положения постмодернистской антропологической концепции. Понимание человека вне его субъектности, как дискурсивно сконструированного, отказ от (псевдо) универсалистской его трактовки и новая концепция телесности — главным образом, эти идеи, «опрокинутые» во взаимном пересечении на феминистскую философскую антропологию, положили начало «контрреволюционному» перевороту в данном исследовательском поле. При этом надо, конечно, иметь в виду, что «контрреволюция» — критическое переосмысление феминистскими авторами своих базовых оснований — развертывается в баталиях теоретических, в то время как практическая цель, по сути дела, та же: адепты постфеминизма убеждены, что новый ракурс теоретического виденья представляет более эффективное средство решения проблемы адекватной гендерной идентичности человека

Крупнейшим теоретиком этого направления является Джудит Батлер, которую после выхода в свет ряда книг, и особенно теоретического бестселлера «Тендерное беспокойство», называют «академической суперзвездой». В первой главе этой книги Д. Батлер подвергает сомнению собственно традиционный предмет феминизма, а точнее — его таит Батлер, что «предмет следования» феминизма выступает как дискурсивно созданный

той же самой политической системой, которая должна была способствовать его эмансипации»¹, иными словами, само

понятие «женщина» (соответственно и «мужчина») как коллективная идентичность было создано, дискурсивно сконструировано той самой политической и юридической властью, к которой феминизм и обращается сейчас со своими политическими задачами.

Опираясь на теоретические открытия М. Фуко, Д. Батлер утверждает, что власть «неизбежно» производит тех, кого она представляет: «В действительности закон производит и затем скрывает понятие «субъект до закона», с тем чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию», поэтому «феминистской критике следует также разобраться, как категория «женщины» производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации», и «сформулировать внутри этой сложившейся структуры критику категорий идентичности». При некритическом же использовании понятия «женщины» феминизм, по Д. Батлер, по сути, воспроизводит и, значит, укрепляет существующую систему тендерных отношений, что прямо противоположно его целям.

«Женщина» как предмет феминизма подвергается сомнению и с другой, казалось бы, стороны, хотя ее друговость, как мы сейчас увидим, относительна. Речь идет о том, что само это понятие неоднородно, гетерогенно. Цветные женщины были первыми, кто подверг критике феминистскую

установку на «женщину», за которой скрывался образ, проблемы, «истина» только западной белой гетеросексуальной женщины среднего класса.

«Белый» феминизм претендует на то, что выступает от имени всех женщин, однако, по существу, опирается на опыт только одной категории женщин как на универсальный. Теоретики постфеминизма активно ставят под вопрос

«фальшивый универсализм» теоретического мышления классического философствования и основываются на постструктуралистской методологии понимания человеческого опыта как многообразного, раздробленного, инакового, где полагание любого типа опыта в качестве «магистрального» оборачивается стиранием, игнорированием и обесцениванием опыта других его видов. Ставится под сомнение возможность обобщения женского опыта как такового, возникает идея оставить в стороне понимание

женщины как некоей унифицированной сущности, задаться вопросом: существует ли некая общность всех «женщин»? Таким образом, исследователи подходят к тому же «батлеровскому» вопросу: «Существует ли область «специфически женского», которая отграничена от мужского как такового и может быть распознана как существующая до обозначения и, следовательно, предполагающая универсальность «женщин»?» Сомнение в существовании «специфически женского» актуализирует, в свою очередь, проблему понимания человеческой телесности,

поскольку что, как не тело женщины, ее способность к репродукции и сопутствующие этому гормональные и собственно физиологические «особенности» могут быть в первую очередь обозначены в качестве «универсальных» оснований ее жизненного опыта? Уже шла речь о том, что феминизм, опираясь на постструктуралистскую методологию альтернативной телесности, пересматривает отношение к женскому телу, видя в нем богатейший источник рождения не только детей, но и новых способов бытия, мышления и культурного творчества. Однако и такое понимание предполагает идею «женского тела» как основу некоей «общности».

Постфеминизм, следуя постструктуралистским принципам анализа, ставит вопрос кардинально: тело существует только в том виде, как оно представлено, и действует в различных, конкретных культурах, оно вплетено в систему репрезентаций, значений, смыслов своей культуры. Тело не есть нечто заданное, оно дискурсивно; тело белого и желтого, тело рабочего и

буржуа, православного и мусульманина — это разные тела, поскольку они подчиняются воле разных желаний, обозначений и власти. Это же касается и тел мужчины и женщины, которые нельзя рассматривать просто как полярные крайности линейного континуума с промежуточными «отклонениями» в середине. Тело «живет» в континууме многомерном, где пол человека — только один из параметров, пересекающийся с другими, оно вплетено в систему властных значений, которые собственно и определяют его половость и тип сексуальности. «Тело» само по себе является конструкцией, так же как и бесчисленные «тела», образующие область гендерно структурированных субъектов. Нельзя утверждать, что тела обладают значимым существованием, которое бы предшествовало признаку их культурно конституированного пола».

Развивая эти положения, теоретики постфеминизма приходят к парадоксальному утверждению, что сам пол — продукт не столько универсальных природных, сколько различных культурных предписаний. Пол рассматривается уже не как «естественный набор хромосом, определенный анатомическим строением или спецификой гормонального обмена».

Актуализируются идеи, обозначенные еще М.Фуко, о том, что пол — исторически сформированная форма сексуальности. «Фуко утверждает, — указывает Д. Батлер, — что категория пола, предшествующая всем определениям сексуального толка, сама является исторически сформированной специфической формой сексуальности. Тактическое производство

абстрактной и бинарной классификации полов скрывает стратегические цели самого механизма производства путем постулирования понятия «пола» в качестве «причины» сексуального опыта, поведения и желания».

Но из этого следуют, в свою очередь, два принципиальных положения, ставящих под сомнение «краеугольные камни» феминистской философской антропологии. Первое сомнение — в правомерности разграничения понятий «пола» и «тендера» в том смысле, в котором оно было

предпринято феминистской философией. Постфеминисты отрицают понимание тендера просто как культурного наложения на биологически предзаданный пол, считают, что «тендер», по существу, предшествует «полу», поскольку является тем дискурсивным средством, при помощи которого и производится «естественный пол» как додискурсивный: «Производство пола в качестве додискурсивного должно быть рассмотрено как следствие действия культурного механизма, обозначаемого как тендер». Второе — в существовании «истины пола» как таковой.

В постфеминизме пол оказывается порождением, с одной стороны, «института принудительной и натурализованной гетеросексуальности», где мужское отделяется от женского посредством гетеросексуальной «нормы», и с другой, — он «дитя» метафизики сущности: классического типа

философствования, на который этот «институт» опирается и в котором, собственно, формируются связанные с идентификацией понятия пола. Таким образом, пол перестает быть «истиной», непротиворечивой идентичностью, он становится подвижным, изменчивым, пол рассеивается.

Исследователи пишут о социальной потребности конструирования новой субъектной позиции человека, позиции «политического и личностного перемещения через границы, которые разделяли до сих пор социосексуальные идентичности и общности, разделяли тела и дискурсы» И

соответственно формулируется потребность возникновении «новой феминистской политики», для которой «методологической и нормативной предпосылкой» станет «изменчивая модель идентичности» человека. Д. Батлер пишет: «Если стабильное понятие культурно конструированного пола (gender) не служит более базовой предпосылкой политики феминизма,

то, возможно, в данный момент желательно появление нового вида феминистской политики, который бы опроверг саму конкретизацию ген- дера и идентичности и принял бы изменчивую модель идентичности если не как политическую цель, то, по крайней мере, как методологическую и нормативную предпосылку».

Направление постфеминизма сегодня активно развивается, но отношения его с феминизмом остаются очень напряженными. Главная претензия со стороны феминистов состоит в том, что постфеминисты «пропускают» в своем анализе реальные проблемы практической жизни

людей. Люди в обществе все равно живут и действуют как мужчины и женщины, и вне зависимости от осознания ими относительности своих идентичностей они несут «эффекты» маскулинности и феминности, а значит, все реальные проблемы, связанные с ними. Лаура Ли Дауне пишет работу с говорящим за себя названием: «Если женщина всего лишь пустая категория, тогда почему я боюсь гулять одна по ночам? Политика идентичности встречает субъект постмодерна». Нэнси Харток задается вопросом: «Почему именно в тот момент западной истории, когда прежде молчавшие пласты населения начали выступать в пользу своей субъектности, концепция субъекта и возможности открытия/сотворения освобождающей «истины» была поставлена под сомнение?». Джейн Флекс, воспроизводя феминистскую логику, размышляет: «Мы получаем определенные привилегии или испытываем определенную дискриминацию в зависимости от нашего положения в структуре, вне зависимости от наших субъективных стремлений или целей. Мужчине не легче переступить через маскулинность и ее эффекты, чем мне — через принадлежность к белой расе. Как мужчины, так и женщины маркированы тендерными отношениями, хоть по-разному и неравноценно. Действительно, с феминистской точки зрения, кажется достаточно странным (в лучшем случае), что многие постмодернисты не осознают этих проблем в своем рассмотрении тендера... Раз субъективность выстраивается такими заданными категориями, как маскулинность или феминность, субъекту не более возможно избежать эффектов этих категорий, чем говорить на собственном частном языке. Если не изменится все дискурсивное поле целиком (и бессознательное каждого субъекта), эти категории продолжат порождение конкретных форм субъективности вне контроля индивидуума...»